

Глава 8

Августовское солнце палило нещадно, земля раскалилась, словно печь. Даже цикады приумолкли, их стрекот уже не сливался в непрерывный хор, а раздавался лишь изредка — долгое, протяжное «дзииинь», похожее то ли на вздох, то ли на стон изнеможения.

Сюнь Фэн вяло прятался в тени дерева, но и там его настигал жар, поднимающийся от земли. Горячий воздух, смешанный со сладким ароматом садовых роз, вязкой массой оседал в носу.

— Сестрица, моя добрая сестрица, мое золотое сокровище, где же ты?

Впервые юноша подумал, что большое поместье — это не всегда хорошо. Уже несколько дней он безуспешно пытался выследить свою «сестрицу», но не увидел даже волоска. Он метался, как муравей на раскаленной сковороде.

Черт побери, зря только тратит свое обаяние!

Так дело не пойдет. Сюнь Фэн злорадно хмыкнул и направился во двор госпожи Бай.

На следующий день, когда рассвет еще не успел разогнать утренний туман, окутавший изогнутые карнизы поместья Юнь, у боковых ворот уже раздавались легкие шаги. Управляющий Хэ, одетый в поношенный синий шелковый халат с аккуратно закатанными рукавами, стоял у экипажа и отдавал распоряжения:

— Подложите еще одну перину. Госпожа и глава семьи слабы здоровьем, а дорога до храма Лунхуа дальняя и ухабистая, смотрите, не растрясите их.

— Слушаемся.

Пока слуги возились с подстилками, старина Хэ повернулся к стоявшей рядом служанке:

— Принеси кисло-сладких цукатов. И собери лекарства, которыми обычно пользуются госпожа и глава семьи, дня на три. Положи их в ящичек в стенке кареты, чтобы под рукой были. Да, и пусть запрягает Пятый, он правит ровнее всех, главе семьи будет спокойнее.

Сказав это, он лично проверил колеса. Убедившись, что все готово, управляющий Хэ пошел за госпожой Бай.

— Госпожа, карета подана.

Лицо госпожи Бай было по-прежнему бледным, но в глазах горел огонек.

— Как хорошо, — улыбнулась она. — Давно я никуда не выезжала.

— Вам еще не следует покидать дом, тем более с главой семьи, — попытался отговорить ее управляющий.

— Эту болезнь, — загадочно ответила госпожа Бай, — можно вылечить, только выехав из дома.

— Может, пригласить с собой и молодого господина Цзина?

— Судьба сведет их и за тысячу ли, — покачала головой она.

— Матушка, я опоздал.

После того разговора госпожа Бай больше не заговаривала о свадьбе. Сбросив с души тяжелый груз, Юнь Чэмин почувствовал, что каждая минута жизни драгоценна, и не стоит тратить ее на пустых людей вроде Бай Цзина. Лучше провести это время с близкими. Поэтому, когда мать предложила поехать в храм, он, не раздумывая, согласился.

— Чэмин пришел, тогда отправляемся, — с улыбкой сказала госпожа Бай.

Почему-то у юноши на сердце стало беспокойно.

Древний храм Лунхуа был окутан дымом благовоний и оглашаем тихими звуками буддийских песнопений. Когда путники прибыли, внутри уже было полно паломников.

Госпожа Бай, не мешкая, взяла благовония и повела сына в главный зал. Они обошли все павильоны, от зала Великого героя до зала бодхисаттвы Кшитигарбхи. От непрерывного повторения мантр ее волосы у висков намочили от пота. Когда они дошли до зала богини Гуаньинь, на лице женщины проступила усталость, а походка стала нетвердой.

— Матушка, отдохните немного, — мягко произнес Юнь Чэмин.

— Как можно? — тяжело дыша, возразила та. — В молитве главное — не останавливаться на полпути. Если разгневать бодхисаттв, все труды пойдут насмарку.

Не успела она договорить, как ее тело обмякло. Юноша, вовремя подхватив её, с тревогой в голосе произнес:

— Матушка, не нужно так себя истязать.

Госпожа Бай, опираясь на его руку, прижала ладонь ко лбу.

— Старею, ни на что уже не гожусь. Чэмин, я еще не пожертвовала на масло для лампад. Сходи за меня.

Юнь Чэмин кивнул и пошел выполнять поручение.

Сделав пожертвование, он вдруг услышал за залом смех и шум. Кто смеет нарушать покой святого места? Он нахмурился и пошел на звук. Под деревом бодхи собралась толпа маленьких послушников в серых рясах. Их бритые головы, сбившиеся в кучу, походили на только что выкопанные из земли репки. И сейчас эти «репки» наперебой кричали:

— А что потом? Ты убил этого огромного змея?

— Не может быть! Разве плоть и кровь могут устоять против клыков и когтей?

— Тише, тише, дайте ему договорить.

— Договорить-то я могу, но... — конец фразы прозвучал протяжно и лукаво.

Сердце Юнь Чэмина дрогнуло. Этот голос показался ему знакомым. Пока он размышлял, круг послушников расступился, и из него вышел Сюнь Фэн. Его черный халат среди серых ряс выглядел как клякса пролитых чернил.

Их взгляды встретились. В глазах кузена, словно звезды, вспыхнули огоньки.

— Сестрица! — радостно воскликнул он.

Юнь Чэмин развернулся, чтобы уйти, но, как назло, его платье зацепилось за ветку. Он с досадой дернул ткань, чувствуя себя так, словно нарочно замешкался.

Молодой человек в три шага догнал его и, раскинув руки, преградил путь. В воздухе, взметнувшись от его движения, пахло цветами граната.

— Смотри, какая у нас с тобой судьба, даже здесь встретились.

— Это не судьба, — холодно ответил Юнь Чэмин. — Боюсь, кое-кто всё заранее спланировал.

— Сестрица так проницательна, от тебя ничего не скроешь, — ничуть не смутившись, признался Сюнь Фэн. Он отбросил мешавшую ветку в сторону. — Я — как эта ветка, только и делаю, что досаждаю тебе. Иначе почему увидеть тебя труднее, чем взобраться на девятое небо? Пришлось просить помощи у тетушки.

Глава семьи отступил на шаг.

— Тебе что-то нужно?

— Странно, а разве я не могу прийти просто так?

Юнь Чэмин замолчал, а потом серьезно сказал:

— Лучше приходи, когда есть дело.

«Ха, какая серьезная особа, говорит, как старый учитель»

Сюнь Фэн кашлянул и тоже принял серьезный вид.

— У меня и вправду есть одно важное дело.

— Важнее, чем лекарство от твоей болезни?

— Гораздо важнее! И срочнее! — таинственно прошептал он. — Это дело касается всего моего жизненного пути.

Юнь Чэмин сначала подумал, что собеседник шутит, но тот говорил так убедительно, что он засомневался.

— Говори, брат. Если смогу, я обязательно помогу.

— Я впервые в префектуре Сунцзян, — радостно затараторил Сюнь Фэн, — брожу, как слепой котенок, не зная, где север, где юг. Мне срочно нужен проводник. Не согласишься ли ты, сестрица, взять на себя эту почетную обязанность?

— ...И это твое важное дело?

— Именно.

— А какое это имеет отношение к твоему жизненному пути?

— Потеряться — значит сбиться с пути, — улыбнулся Сюнь Фэн. — Я — человек, значит, сбиться с жизненного пути. Что, сестрица, только что обещала помочь, а теперь хочешь отказаться? Так не пойдет, все боги в этом храме на тебя смотрят, не отвертись.

— Если смогу — помогу, не смогу — не помогу, — быстро нашелся Юнь Чэмин. — Какая жалость, на этот раз я не могу. Ищи другого помощника.

«Помогу», «помогу», «помогу»... Эти слова заплясали перед глазами Сюнь Фэна, превратились в огромную дубину и с гулким «Бам!» обрушились на его голову, лишая дара речи.

Когда он пришел в себя, Юнь Чэмина уже и след простыл.

— Что-то случилось хорошее? — спросила госпожа Бай, когда сын вернулся.

— М? — не понял он. — С чего вы взяли?

Стоявшая рядом Иньжуй согласно кивнула про себя. Выражение лица главы семьи было таким же, как и всегда — холодным и отстраненным. Как госпожа увидела радость? Наверное, ошиблась.

— Ты видел Цзин'эра? — с улыбкой спросила мать.

Не только видел, но и поставил на место.

— Смотри, ты опять улыбаешься, — заметила госпожа Бай.

Юнь Чэмин коснулся уголков губ. Они не были приподняты.

— Матушка, я не улыбаюсь.

— Да, да, это я, старая, ослепла.

— Это Бай Цзин уговорил вас поехать в храм Лунхуа?

— Что значит «уговорил»? — смутилась она. — Я и сама хотела съездить, так что это просто совпадение.

— В такую жару вам не следовало поддаваться на его уловки, — серьезно сказал юноша.

— А все из-за тебя! Почему ты его избегаешь?

— Я не избегаю, просто не хочу видеть.

— Даже если вы не поженитесь, вы все равно брат и сестра, родная кровь. Цзин'эр — единственный сын твоего дяди. Не нужно от него отстраняться. Чэмин, ты ведь не хочешь меня расстраивать?

— Мы с ним не сойдемся, — поджал губы сын.

— Никто не рождается идеальной парой, всегда нужно притираться. Посмотри на нас с твоим отцом. Сначала я его терпеть не могла, мечтала, чтобы он исчез. А что потом? Вышла за него замуж по доброй воле. Чэмин, кузен столько скитался, столько натерпелся, оттого и стал немного легкомысленным. Но это не главное. За мишурой скрывается хороший человек. Если ты узнаешь его поближе, то поймешь, какой он на самом деле.

— Я понял, — опустил глаза юноша.

— По-моему, вы идеально подходите друг другу, — с удовлетворением продолжала госпожа Бай. — Один — спокойный, другой — живой, один — холодный, другой — горячий...

— Я пойду.

— Эй, подожди! Я больше не буду, это я разболталась. Вот что, приведи Цзин'эра в келью. Он впервые здесь, может заблудиться.

Юнь Чэмин стоял не двигаясь. Иньжуй, проявив смекалку, вставила:

— Глава семьи, наверное, устал. Госпожа, я найду молодого господина Бяо.

Госпожа Бай промолчала, выразительно глядя на сына. Иньжуй сжалась и отошла в сторону. Тот едва заметно вздохнул.

— Я найду.

Летнее солнце не знало пощады. Уже с утра оно пекло так, что голова шла кругом. Юнь Чэмин вернулся той же дорогой и нашел Сюнь Фэна, лежащего под деревом бодхи. Его лицо было прикрыто листом лотоса, руки заложены за голову, а ноги закинута одна на другую. Он что-то напевал себе под нос, и, прислушавшись, юноша понял, что это фривольные мотивы.

— Ты знаешь, где находишься? Как ты можешь петь... петь... — он не мог заставить себя произнести это.

Голос кузена донесся из-под листа:

— А тебе какое дело? Что хочу, то и пою. Даже в аду буду петь «Восемнадцать касаний»! Пусть и черти повеселятся, тоже доброе дело.

Впервые в жизни Юнь Чэмин почувствовал, как к горлу подкатывает жгучий гнев.

— Бай Цзин! — в ярости крикнул он.

Сердце Сюнь Фэна екнуло. Это был Юнь Чэмин! А он-то думал — какой-то прохожий. Юноша заметался, не зная, что делать: то ли убрать ноги, то ли снять лист, то ли извиниться. В суматохе его ноги запутались, и он, едва встав, тут же рухнул обратно. Сгорая от стыда, Сюнь Фэн лег на спину, прикрыл лицо листом и нежным голосом позвал:

— Сестрица.

Пальцы его собеседника дрожали от ярости.

— Ты... ты... просто не знаешь ни стыда, ни совести!

Сюнь Фэн проделал в листе две дырочки и стал подглядывать.

«Черт побери, до чего же хороша! — восхитился он про себя. — В гневе сестрица в сто раз красивее!»

Юнь Чэмин вздрогнул, увидев два блестящих глаза на листе лотоса. Поняв, что за ним подсматривают, он еще больше рассердился.

— А ну, вставай!

— Вот когда перестанешь сердиться, тогда и встану, — капризно ответил Сюнь Фэн.

Он посмотрел на приближающихся паломников и сквозь зубы процедил:

— Я не сержусь. Вставай сейчас же.

— Не обманываешь?

На лбу Юнь Чэмина вздулись вены.

— Я никогда не лгу.

Только тогда Сюнь Фэн вскочил на ноги одним ловким движением, не забыв прихватить свой лист.

— Передумала? Согласна быть моим проводником?

— За мной, — бросил юноша и быстро пошел прочь.

Сюнь Фэн подпрыгнул и поравнялся с ним. Он поднял дырявый лист лотоса к лицу, сморщил нос и прошептал ему:

— Смотри, какая сестрица злая.

[Сюнь Фэн: Сестрица, ну и злюка же ты (т_т)]

<http://bllate.org/book/16000/1443007>